

Библиографическое наследие

К вопросу о Золотой Бабе*

Князь Н.С. Трубецкой

Таинственная Золотая Баба, много раз упоминаемая старыми иностранными путешественниками и русскими источниками, уже давно привлекает к себе внимание исследователей истории и этнографии северо-восточной ветви угро-финского племени. О ней существует целая литература. В настоящей статье я, однако, не собираюсь рассматривать всю эту литературу. Не буду я также приводить всех свидетельств о Золотой Бабе. Статью свою я предназначаю для лиц, знакомых уже с этим вопросом, так как для неспециалиста предмет её вряд ли может иметь большой интерес.

Разыскания новейших путешественников и этнографов показали, что Золотая Баба или, по крайней мере, копия с неё *и сейчас существует*, и хранится *где-то* у инородцев Северо-Западной Сибири, но где именно — неизвестно¹. Понятно, что пока этнографы не проникли в её таинственное убежище и не изучили её культа на месте, о Золотой Бабе нельзя сказать ничего окончательного. Возможны только более или менее вероятные и правдоподобные предложения, и с этой точки зрения я и прошу смотреть на предлагаемую статью.

Кроме собственно *Золотой* Бабы у западносибирских инородцев была и *Серебряная* — копия с Золотой. Эта Серебряная Баба охранялась менее Золотой, и финскому учёному *Карьялайнену* (Karjalainen), кажется, удалось приобрести её и перевезти в Гельсингфорс.

[Господин] *Носилов* узнал несколько подробностей о функциях, которые приписываются этой Серебряной Бабе, от вогула Саввы из селения *Оронтур-пауль*: по словам Саввы, она *«помогает сильно бабам; у нас ребят мало, — говорит он, — вот и ходят к ней мужики за ребятами, и жертвуют. И промыслам тоже помогает: кто ей жертвует, тот лучше всех промышляет... каждую весну по 20, по 30 лосей убивает...»*². Итак, богиня, которую изображает Серебряная Баба, а следовательно, и Золотая, копию с которой она представляет, заведует *женскою плодovitостью и охотою*. По-видимому, она заведует также и *судьбою людей*, так как, по свидетельству путешественника XVI в. *Гваньини*, жрецы во время жертвоприношений Золотой Бабе расспрашивали её о судьбах отдельных людей³.

---

* Печ. по: Трубецкой Н.С. К вопросу о Золотой Бабе // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 1, 2. Кн. LXVIII—LXIX. С. 52—62.

На основании этих, почти единственных данных о функциях занимающей нас богини, мы можем всё-таки составить себе довольно цельное о ней представление: это — один из широко распространённых у разных народов типов богини-покровительницы человеческого рода, заведующей его размножением и судьбою отдельных людей и покровительствующей главным занятиям того народа, который поклоняется ей.

Таким образом, мы с некоторою степенью точности определили функции той богини, которую изображает Золотая Баба. Постараемся же теперь определить, *кто эта богиня*. Для этого нам необходимо подыскать в пантеоне сибирских угров богиню с только что перечисленными функциями. Таковою является *Калтысь*, или *Сянь-Тóрум*, упоминаемая *Гондатти*. «Жена Нуми-Торума (= верховный, небесный бог, собственно, по принятому финскими учёными фонетическому написанию, *Numi-Tarém*) и мать всех его семи сыновей, — говорить он, — называется *Сянь-Тóрум*, или *Калтысь-Тóрум*. После того, как она подарила своему мужу 6 сыновей, он стал замечать, что она начала вести жизнь нехорошую и близко сошлась с одним из небесных прислужников; рассердившись на это, он бросил её на землю, и она при падении родила *Мир-Сусне-Хума* (= «*Мир Охраняющий Муж*», фонет. *Mir-Susne-Xum*). Упала она вблизи *Калтысьянских юрт*, где и поселилась, воспитывая своего сына, который затем перешёл в *Троицкие юрты*. В наказание за дурное поведение Нуми запретил ей подниматься на небо и сам решил к ней не ездить; но, помня её прежнюю хорошую жизнь, он поручил ей *следить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатым, кому — бедным; вообще, поручил ей следить за будущностью каждого человека отдельно*; вследствие этого её очень почитают и на поклонение к ней приезжают из самых отдаленных мест»⁴. Функции этой богини совершенно те же, что и у той богини, которую изображает Золотая Баба, и поэтому, я думаю, не будет рискованно предположить, что обе эти богини одно и то же, то есть, другими словами, что *Золотая Баба есть идол богини Калтысь, или Сянь-Тóрум*. Это предположение подтверждается тем, что, по словам Гондатти, *Калтысь* жила прежде со своим сыном, который родился при падении с небес, а Золотая Баба, по свидетельству многих иностранных путешественников (например, того же Гваньини), держит на руках ребёнка (по Герберштейну, даже двух), который считается её сыном⁵.

Я думаю, что не очень рискованно будет также предположить, что первоначально её имя было *Калтыс-Сянь-Торум* (придерживаясь

написания Гондатти), так что формы *Калтысь-Тóрум* и *Сянь-Тóрум* являются только сокращениями этого длинного имени. Что же касается до этимологии этого слова, то я считаю его чисто вогульским и предлагаю этимологию *Күälтысь-Сянь-Тóрұм* (*Küältis-Sän-Tarém*) = «Оживляющая (Рождающая?) Богиня-Мать», от глагола *küältam* = «поднимать, помогать, оживлять, воскрешать, увеличивать», и слова *sän* = «мать»⁶.

Теперь перехожу к другому вопросу.

Новгородская летопись и митрополит Симеон (в своём послании к пермякам) говорят, что и Пермь поклонялась Золотой Бабе. Многие (Карамзин, Михайлов, Арсеньев, Попов) даже думали, что это была *исключительно пермская богиня*. Теперь это мнение оставлено, но многие учёные полагают, что *Золотая Баба могла быть известна и в Перми*. Таково, например, мнение проф. *Смирнова*⁷. Однако все попытки отыскать воспоминания о нашей богине у современных потомков древних пермяков были до сих пор совершенно безуспешны. Г[осподин] *Кондинский* говорит⁸, что зыряне не помнят *Золотой Бабы и даже её имени*. Тем не менее я думаю, что Пермь знала её и даже помнит, если не её, то ту богиню, которую она представляла. Безуспешность же поисков этнографов, в том числе и г[осподина] *Кондинского*, обуславливается целым рядом обстоятельств: во-первых, эти поиски производились только среди *зырян*, между тем как они далеко не единственные остатки пермского племени; во-вторых, вопросы задавались с предвзятой целью (так, например, Золотая Баба называлась *«Юмалой»*, — мысль совершенно нелепая, высказанная впервые вологодским местным «учёным» *Михайловым*⁹ и основанная на совершенном невежестве в области угро-финской этнографии); в-третьих, при расспросах всего более обращали внимание на Золотую Бабу как на идола, а не как на *богиню*, изображаемую этим идолом.

Попробуем же, устранив эти недостатки, поискать у современных остатков пермяков воспоминания об этой богине.

Со времён путешественника *Георги* этнографы и путешественники постоянно упоминают о вотяцкой богине *Кылдысин-Муму*. Капитан *Рычков* говорит про неё, что она *заведывает родами*¹⁰, а *Георги* — что от неё вообще зависит *плодородие — как людей и животных, так и земли*¹¹. Это, следовательно, такая же богиня плодородия, как и вогульская *Күälтысь-Сянь*. Вот в ней-то, в этой вотяцкой богине, я и вижу воспоминания о Золотой Бабе. Тожество *функций*, может быть, и не очень убедительно, но мы *имеем*, кроме того, ещё поразительно сходство *имён*, причём тут уже ясно, что *вотяки* заимствовали от вогулов: как мы видели, *Күälтысь-Сянь* из вогульского языка

объясняется, но из вотского его до сих пор не удалось объяснить удовлетворительно. Все известные до сих пор вотские этимологии слова *Кылдысин* отзываются искусственностью, а некоторых исследователей они даже доводили до совершенного абсурда. Так, Верещагин предлагает этимологию: вотск. *кыл* = «слово», *дыс* = «одежда», *ин* = «бог» или «небо»; *Кылдысин* = *Кыл-дыс-ин* = «Воплощённое небо» (sic!)¹². Если уже принять, что имя *Кылдысин* происходит от слияния этих трёх слов, то оно, во всяком случае, не значит «Воплощённое небо», а — «Бог словесной одежды». Что такое эта «одежда слова» — совершенно непонятно. Так же «удачны» и другие вотские этимологии слова *Кылдысин*¹³. Я не могу также считать его бурятским, как это предлагает г[осподин] Потанин¹⁴. Между тем оно поражает своим сходством с именем вогульской богини *Кўялтысь-Сянь Торўм. М. Бух* производит имя *Кылдысин* от вотского глагола *кылдыны* — «творить, беременеть». Слово это, по свидетельству С.К. Кузнецова, встречается только у северных вотяков, в Слободском и Глазовском уездах Вятской губ., и указано в словаре *Лыткина*¹⁵ со значением «творить, делать беременным»; происходящее от того же корня слово *кылдыс* значит «зародыш». Лингвистически, стало быть, тождество обеих богинь несомненно, но этого мало. Функции *Кылдысин-Муму* также представляют сильное сходство с функциями *Калтысь-Сянь-Торум*, а свидетельства русских источников об известности Золотой Бабы у пермских народов ещё более делают возможным предположение, что *под видом богини Кылдысин-Муму у современных вотяков сохранилось воспоминание о вогульской богине Кўялтысь-Сянь-Торўм, идолу который — Золотой Бабе — пермские народы некогда поклонялись совместно с народами угорскими.*

Самый факт заимствования богини пермскими народами у северных угров представляется мне весьма возможным. Вогулы и сейчас живут в Пермской губ. по р. Чердыни, а есть свидетельства, что прежде они жили гораздо далее на юг и на восток. Препод[обный] Трифон Вятский застал вогулов и остяков по рекам Тулве, Обве и Сылве¹⁶. В указе царя Алексея Михайловича воеводе Семёну Толстому они упоминаются, как живущие в Кунгурском уезде¹⁷. А если территория северных угров действительно простиралась прежде южнее и восточнее, чем теперь, то они могли постоянно приходить в соприкосновение с пермскими народами, особенно с вотяками. Понятно, что последние быстро узнали от них о чудодейственной силе идола вогульской богини и стали ездить к нему на поклонение. Золотая Баба, может быть, и находилась первоначально по сю сторону Урала; по крайней мере, г[осподин] Носилов сообщает слышанное им

от одного вогула предание, что её когда-то откуда-то перевозили на Обь, при чём и было отлито в виде копии изображение Серебряной Бабы¹⁸. Во всяком случае сношения вотяков с сев[ерными] уграми вследствие исторических причин должны были прекратиться. Прекратилось также и поклонение вотяков вогульской богине, но память о ней всё же осталась в образе *Кылдысин-Муму*, которая скоро сделалась национальной вотской богиней.

Однако эта богиня значительно уклонилась от своего вогульского оригинала. В некоторых местах из *богини-покровительницы рожениц и помощницы при родах* она обратилась в покровительницу *женщин вообще*. Такова у вотяков Сосновского края богиня *Калдык-Мумы*, упоминаемая Верещагиным¹⁹. В других местах она, перейдя от охотничьего племени (вогулов) к земледельческому (вотякам), перестала быть покровительницей охоты и стала помогать земледелию, смешавшись, может быть, с какой-нибудь местной, чисто вотской богиней земного плодородия, которая, без сомнения, существовала у вотяков, как у всех земледельцев-угро-финнов. Имени этой богини, однако, не сохранилось. Сообразно со всем этим изменились и мифы о *Кылдысин-Муму*. Если вогульская *Кўйлытысь-Сань* была сброшена с неба и живёт на земле, то вотская *Кылдысин-Муму* тоже представляется живущей на земле. Вотяки некоторых местностей приписывают ей прогулки по межам и встречи с людьми²⁰. Мотив этот, распространённый и у черемис, у которых эти прогулки приписываются богине земли *Мланд-Ав*²¹, я склонен отнести к влиянию славянской *Полудницы*. Хождения по полям *в полдень*, встречи с запоздалыми работниками и разговоры с ними — всё это можно найти в преданиях лужичан, богемцев и чехов²². Кроме того, в частности у русских, *Полудница* имеет какое-то отношение к *межам*: «Полудница во ржи, покажи *рубежи*», — гласит поговорка, распространённая в Архангельской губ.²³ Если же мы вспомним, какое влияние имела славянская *Полудница* на финских богов вообще²⁴, то мы найдем возможным отнести к такому влиянию хождение по межам и встречи с людьми черемисской *Мланд-Авы* и вотской *Му-Кылдысины* (другое имя *Кылдысин-Муму*; *му* — «земля»).

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я позволю себе остановить внимание читателя на одной весьма интересной параллели к нашей богине из мира классического. Я разумею *Артеиду*. Ведь и она первоначально — покровительница женского плодородия и охоты. Ей не чужды и отношения к судьбе людей, констатированные у Золотой Бабы. По *Страбону*²⁵, у неё есть оракул в Адрастее и в Сарпедонии²⁶. Далее, как Золотая Баба изменила свои функции, со-

образно с бытом поклоняющихся ей народов, так и *Артемида* с изменением быта греков променивает охоту на *земледелие*, а позднее и на торговлю. Так, например, по *Павзанию*²⁷, её изображения постоянно ставились на рыночных площадях. Как вогульская богиня у вотяков, *Артемида* из покровительницы родов делается покровительницей женщин — *δεσποίνα γυναικῶν*²⁸. Интересно, что афинские женщины клянутся *Артемидой*²⁹. Это напоминает восклицание «Э, *Калдык-Мумы!*» вотских женщин. Наконец, *Артемида* постоянно смешивается с местными греческими и малоазийскими богинями, как *Кўялтысь-Сянь* — с предполагаемой пермскою богиней земледелия и славянскою *Полудницей*.

Но одно чрезвычайно интересное обстоятельство не имеет себе параллели не только в истории *Артемиды*, но, кажется, и вообще в классической мифологии. Это — существование у вотяков бога *Му-Кылдысина*, *Колдышина*, *Кылчина* или *Колчина*. Функции его совершенно тождественны с функциями нашей богини: он заведует плодородием земли и, как видно из свадебной молитвы к нему, записанный *Бухом*³⁰, — плодovitостью женщин. Мифы о нем те же, что и о *Кылдысин-Муму*: те же прогулки по межам, те же встречи с людьми. Наконец, имена совершенно тождественны. При этом, однако, следует заметить, что *богиня* *Кылдысин* менее известна, чем её «тёзка» *бог*. Во многих местах, где знают последнего, *Кылдысин-Муму* уже забыта.

Сказать что-нибудь верное и определённое об этом боге и об его отношении к нашей богине чрезвычайно трудно по недостатку материала. Мне думается, что богиня древнее бога. Он явился уже позднее, когда образ вогульской богини вследствие прекратившихся сношений с вогулами стал блекнуть в умах вотяков. Тогда стало возможным сделать из богини бога. Какими причинами обуславливалось это изменение представлений — трудно сказать. Вопрос этот разрешится лишь тогда, когда будет собран достаточный материал. Я ограничусь только посильным освещением одной стороны представлений о *Му-Кылдысине*, причём и тут не могу претендовать на достоверность. Я хочу лишь дать объяснение некоторым мифам о *Кылдысине*, которые, на мой взгляд, очень интересны. В целом ряде преданий с именем *Кылдысина* связаны мотивы, напоминающие христианские и магометанские апокрифические легенды о Христе и Магомете. Я склонен объяснять это таким образом.

«Ко всем народам уже приходили с неба разные боги: к татарам — Магомет, а к русским — Иисус Христос», — так начинается одно вотское предание, записанное Первухиным³¹. Таково было представ-

ление, которое вынесли вотяки от знакомства с христианством и магометанством. Возникал вопрос: «Почему же к нам, вотякам, не приходило ещё богов с неба?» И, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было создать легенду о *боге, который ходил по земле, подобно Иисусу Христу и Магомету*. В умах вотяков сохранилось смутное воспоминание о каком-то божестве, сброшенном с неба и ходившем по полям. Это была *Кылдысин-Муму*, образ которой уже успел достаточно изгладиться в воображении её поклонников. Это божество и послужило героем для новой легенды. Оно сделалось, так сказать, противовесом христианству и магометанству. «Чем татары и русские лучше нас, вотяков? — рассуждали вотяки. — К ним приходили их боги, Иисус Христос и Магомет? Да ведь и к нам спустился бог Кылдысин». И таким образом возникло поэтическое предание о «веке *Кылдысина*»³² — золотом веке, когда этот бог жил среди людей, ходил по их полям, подбирал упавшие колосья и подавал изобилие. *Кылдысин* — такой же бог, живущий посреди людей, каков, по понятиям вотяков, у татар — Магомет, а у русских — Христос. «Русские молятся же Христу, — говорили они Потанину, — вот и мы молимся *Кылдысину*»³³. В некоторых преданиях о *Кылдысине* поэтому отразились христианские и магометанские легенды. Таковы, например, предания, записанные Потаниным³⁴. К сожалению, размер настоящей статьи не позволяет мне остановиться на разборе этих преданий. Констатирую только факт, что преданий этих собрано очень мало. Вообще материал о *Кылдысине* очень сбивчив и чрезвычайно недостаточен, а потому говорить о нём определённо и делать окончательные выводы пока преждевременно.

* * *

Подведём теперь итог всему сказанному.

Вышеизложенное приводит нас к следующим основным положениям:

1. Золотая Баба изображала какую-то богиню плодородия, судьбы и богатства (в вогульском смысле этого слова — удачного промысла).
2. Эта богиня — вогульская *Кўйлтись-Сянь-Торўм*.
3. Она была известна и пермским народам под именем *Калдысин*, а воспоминания о ней остались у современных вотяков.
4. На вотской почве она слилась с туземной богиней земного плодородия (?) и со славянской *Полудницей*, а сама обратилась в богиню земли *Му-Колчъну* (или *Кальцьну*).
5. Под влиянием не вполне ещё выясненных причин (может быть,

соприкосновения с христианством и магометанством) она стала богом *Му-Кылдысином*.

Я позволяю себе, однако, напомнить то, что сказал в самом начале: пока не будет найдена сама Золотая Баба и её культ не будет изучен на месте, всё это — только гипотезы.

Нам остаётся только выразить надежду, что это скоро будет сделано.

В заключение считаю приятным долгом выразить искреннюю признательность уважаемому Стефану Кировичу Кузнецову³⁵, который много помог мне при написании настоящей статьи — как книгами, так и ценными указаниями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятнее всего, в Казымских юртах.

² Носилов. «У вогулов». Изд. Суворина. СПб. 1904. Стр. 116.

³ Guagnini. «Regum Polonicarum commentarii». II, стр. 205. То же сообщает английский путешественник того времени Антоний *Дженкинсон*. На его карте России около изображения З. Б. помечено: «Id est aurea vetula, ab Obdorice et Jougorice religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consulit, quid ipsis faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa certique eventus consequuntur» (то есть: «Золотая Старуха пользуется поклонением у обдорцев и югры. Жрец спрашивает этого идола *о том*, что им следует делать или куда перекочёвать, и идол сам (удивительное дело!) даёт вопрошающим верные ответы, и предсказания точно сбываются»). Материалы по истории русской картографии Кордта. Вып. I. Табл. 17.

⁴ Гондатти. «Следы языческих верований у маньзов» (И. О. Л. Е., XLVIII), стр. 59—60.

⁵ На древних картах России Золотая Баба также иногда изображается с младенцем: так, например, на картах *Вида* (Мат. по ист. русск. карт. Вып. I, табл. VI) и *Герберштейна* (там же, табл. XIII) — с двумя детьми, а на картах *Дженкинсона* (там же, табл. XVII) и *Меркатора* (там же, табл. XXIV) — с одним.

⁶ См.: Ahlquist. «Wogulisches Wörterverzeichnis». Helsingfors. 1891. Seite 17 u 50.

⁷ Смирнов. «Пермяки». Казань. 1891. Стр. 263.

⁸ Кондинский. «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян» (Этн. обзор., III). Стр. 104.

⁹ Михайлов. «Устьвым» (Вологодск. губ. вед. 1850 г. № 2.). С лёгкой руки его это предположение стало постоянно повторяться другими исследователями. Мы встречаем его в известном труде *Кл. Попова* «Зыряне и зырянский край» (И. О. Л. Е., III, 2), стр. 18; в работе *Арсеньева* «Зыряне и их охотничьи промыслы», стр. 12. Отсюда оно проникло и в популярные книжки: например, в книжку *Круглова* «Лесные люди» и другие подобные издания.

¹⁰ Рычков. «Дневные записки». Часть II. 1770 г., стр. 157.

¹¹ Георги. «Описание всех, в Российском государстве обитающих народов...». I, стр. 53.

¹² Верещагин. «Вотьяки Сарапульского уезда» (Зап. И. Р. Г. О., XIV, вып. 3), стр. 88.

¹³ Сам г[осподин] Верещагин, сознавая неудовлетворительность своей первой этимологии, тут же предлагает на выбор вторую: от вотск. *кылдън* = «судьба». Просим г[осподина] Верещагина объяснить, почему в слове *Кылдысин* выпал звук *н*?

¹⁴ Потанин. «У вотяков Елабужского уезда» (Изв. Общ. арх., ист. и этн., III), стр. 215.

¹⁵ Лыткин. «Зырянский край и зырянский язык». СПб. 1889. Стр. 134.

¹⁶ Житие препод[обного] Трифона Вятского. Казань. 1868 (перепеч. из «Правосл. собеседн.»), стр. 41.

¹⁷ Дополнение к Акт. историч., т. IX (изд. Археогр. комиссии), стр.91 и 92. Ограничусь только этими свидетельствами, не приводя остальных.

¹⁸ Носилов. I, стр. 112—113.

¹⁹ Верещагин. «Вотяки Сосновского края». (Зап. И. Р. Г. О., XIV, вып. 4), стр. 34.

²⁰ Напр., см.: Кузнецов. «Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда» (Этн. обзор., XIII), стр. 35.

²¹ Потанин. I, стр. 209.

²² Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу». III, стр. 76, 77, 138; Grohmann. «Sagenbuch aus Vichmen und Mdhgen». Прага. 1863. Стр. 13, 14, 114.

²³ Памятная книжка Архангельской губ. 1864, стр.17.

²⁴ Укажем, например, следующие финские божества, несомненно испытывавшие это влияние: зырянская *Пилдзничка* (Этн. обзор., III, стр. 110), пермяцкая *Вул-Морик* (Смирнов. I, стр. 267), мордовская *Паксава* (Смирнов. «Мордва», стр. 209, 210), вотская *Иньвожо* (Верещагин. I, стр. 230).

²⁵ Страбон. XIII, 587.

²⁶ Страбон. XIV, 676. Верникке думает, что она имела отношение и к Дельфийскому оракулу (Artemis у Pauly-Wissowa, Seite 1353).

²⁷ Павзаний. I. 14, 5; II. 7, 6; II. 9, 6; II. 31, 1; III. 11, 9; VII. 20, 7; VII. 24, 1.

²⁸ Антология Палат. VI, 269.

²⁹ Софокл. Электра, ст. 626, 1239; Эврипид. Медея, ст. 160.

³⁰ Вич. «Die Wotjken, eine ethnologische Studie». Штутгарт, 1882. Стр. 124.

³¹ Первухин. «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда». Вятка. 1888—1889 гг. IV, стр. 4—5.

³² Там же, стр. 4.

³³ Потанин. I, стр. 214.

³⁴ Там же, стр. 213, 214.

³⁵ Кузнецов Степан (Стефан) Кирович (30.07.1854. — 13.08.1913.) — археолог, этнограф, первый заведующий библиотекой Сибирского (Томского) университета. С автором публикации Степан Кирович мог познакомиться в Москве, куда переехал из Томска в 1903 г. и где занял должность профессора Московского археологического института. Обращение Н.С. Трубецкого к С.К. Кузнецову далеко не случайно, поскольку тот являлся крупным специалистом в области истории и культуры пермских народов. Авторитет этнографа даже позволил ему участвовать в качестве эксперта защиты в знаменитом Мултанском деле (1892—1896 гг.), где он свидетельствовал против практики человеческих жертвоприношений у вотяков. Позже, уже в московский период своей биографии, Степан Кирович неоднократно проводил археологические раскопки в Поволжье и Прикамье. Подробнее о нём см.: Есипова В.А. Кузнецов Степан (Стефан) Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 76—78. (Прим. ред. сб. «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого»).